

не повлекло за собой существенных изменений в церковно-административном устройстве. Решение этого вопроса оказалось отложено на длительный срок. Главную роль в воссоздании епархии сыграла позиция олонецкого губернатора А.И. Рыхлевского, который обращал внимание императора на «размножение в тамошнем крае раскольников и необходимость образовать в губернии самостоятельную епархию»⁷⁶. Олонецкая епархия возродилась лишь в 1828 г. под наименованием Олонецкой и Петрозаводской⁷⁷, что отражало возросшую роль Петрозаводска — губернского города. В высочайше утвержденном докладе архиерею предписывалось именоваться Олонецким и Петрозаводским, пребывать в губернском городе Петрозаводске, получить от Новгородского архиепископа «первоначальное пособие из ризниц» для богослужений и в ближайшее время открыть духовную семинарию⁷⁸. Все эти распоряжения были выполнены. В таком неизменном виде Олонецкая епархия существовала вплоть до 1917 г.

Таким образом, в течение большей части изучаемого периода имеется возможность изучать относительно стабильное церковно-административное образование — Олонецкую епархию. Ее размеры оставались значительными — 131 473 кв. версты. Для сравнения, территория Новгородской епархии составляла к середине XIX в. 103 495 кв. верст; многократно превосходила ее лишь соседняя Архангельская епархия: она включала 673 742 кв. версты⁷⁹. *Хронологические рамки* логически связаны с территориальными. В качестве отправной точки исследования рассматривается 1764 г. — время создания Олонецкой епархии, а в качестве завершения — 1917 г., т.е. время, когда в жизни епархии произошли катастрофические изменения, по сути дела, перечеркнувшие многовековую традицию бытия православия в Карелии.

Источники

Постановка задач, выбор хронологических и территориальных рамок исследования обусловили круг используемых источников. Основу исследования составили несколько групп источников, как опубли-

⁷⁶ Материалы для истории православной церкви в царствование императора Николая I /под ред. Н.Ф. Дубровина. СПб., 1902. С. 243.

⁷⁷ Высочайше утвержденный доклад Святейшего синода о штате Олонецкого архиерейского дома // Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного вероисповедания Российской империи. Царствование государя императора Николая I. Пг., 1915. Т. 1. № 194. С. 276.

⁷⁸ Там же, с. 276–277.

⁷⁹ Римский С.В. Российская церковь в эпоху великих реформ, с. 104.

кованных, так и архивных. Последние обнаружены в семи архивах: архиве Санкт-Петербургского института истории, Государственном архиве Архангельской области, Российском государственном архиве древних актов, Российском государственном историческом архиве, Государственном архиве Российской Федерации, Национальном архиве Республики Карелия, а также в отделах рукописей библиотеки Российской академии наук, Российской государственной библиотеки, Российской национальной библиотеки, Отделе письменных источников Государственного исторического музея. Наибольшее количество документов по изучаемой проблеме обнаружено в фонде Олонецкой духовной консистории (НА РК, ф. 25; ГААО, ф. 29) и в фонде канцелярии Синода (РГИА, ф. 796).

По типологическому признаку использованные источники подразделяются на шесть групп. К *первой* относятся законодательные акты и распоряжения светской и духовной центральных властей. Постепенно, в течение длительного времени в России сформировалась особая разновидность права – церковное право, опирающееся на Священное Писание, постановления Вселенских и Поместных соборов, Духовный регламент, царские указы, определения Святейшего синода и действующие гражданские законы. Многие из этих законов систематизированы современниками событий, что существенно облегчает работу по их изучению⁸⁰. Наиболее значимы для данного исследования Духовный регламент⁸¹ и Устав духовных консисторий⁸². Регламент является «законодательным актом первостепенной важности не только в церковном, но и в государственном отношении»⁸³. В нем излагаются основы синодального управления церковью, отношения Синода и светской власти. Значительная часть этого документа посвящена деятельности прихода: правам

⁸⁰ *Александров Н.* Сборник церковно-гражданских узаконений в России, относящихся до лиц православного духовенства. СПб., 1860; *Ивановский Я.* Обзорение церковно-гражданских узаконений по духовному ведомству (применительно к Уставу духовных консисторий и Своду законов). СПб., 1900. Собрание постановлений по части раскола, состоявшихся по ведомству Св. синода. СПб., 1860. Кн. 1–2; *Андреев Д.* Сборник правил о средствах содержания духовенства и о разделе их между членами причтов. СПб., 1906; Церковное благоустройство. Сборник действующих церковно-гражданских законоположений, относящихся к духовному ведомству. М., 1901. Вып. 1.

⁸¹ Духовный регламент. М., 1897.

⁸² Устав неоднократно переиздавался. Последнее издание, на которое я ссылаюсь в данной работе, Устав духовных консисторий // Церковное благоустройство. М., 1901. С. 5–64.

⁸³ *Павлов А.С.* Курс церковного права, с. 134.

белого духовенства и прихожан. Устав является фундаментальным сводом правил, в значительной мере определяющих жизнь православных приходов России в течение второй половины XIX—начала XX в. Эта группа источников позволяет проследить эволюцию основных требований, предъявляемых властями к приходу на протяжении всего изучаемого периода: размеры, количество священно- и церковнослужителей, обеспечение духовенства и храма.

Вторую группу составляют материалы делопроизводства местных органов государственной власти и церковного управления. Прежде всего это документы распорядительного характера: приказы, инструкции, промемории. Они позволяют изучить вопрос о распределении полномочий между духовной и светской властями на местах, формах их совместных действий и методах координации усилий, направленных на решение вопросов, находящихся в ведении церкви. Распорядительные документы вызвали к жизни не меньший объем документов докладного характера: рапорты, доношения, записки. Существенное значение имеет переписка между центральными и местными органами власти. Она позволяет выявить позицию Синода в наиболее важных вопросах церковного управления и исследовать различия точек зрения местной и центральной церковных властей по ряду проблем жизни прихода.

Ведущую роль здесь играет делопроизводство духовной консистории, которая являлась присутственным местом, где под руководством епархиального архиерея осуществлялось управление и духовный суд в пределах полномочий, оговоренных в Уставе духовных консисторий⁸⁴. По утверждению Б.Н. Миронова, «управление церковью осуществлялось Синодом и духовными консисториями»⁸⁵. В своей деятельности они опирались на духовные правления и благочинных. Совместно с архиереем консистория наблюдала за состоянием паствы и соблюдением духовенством своих обязанностей, выступала как судебная инстанция по делам православной веры. Она рассматривала имущественные споры между духовенством и верующими и дела, связанные с благосостоянием приходских церквей, а также жалобы верующих на причты. К сфере ее компетенции относились бракоразводные дела и вопросы совершения таинства брака. Она могла подвергать представителей белого духовенства разнообразным наказани-

⁸⁴ *Александров Н.* Сборник церковно-гражданских узаконений в России, относящихся до лиц православного духовенства, с. 26.

⁸⁵ *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII—начало XX в.). Т. 1, с. 103.

ям: епитимии, штрафу, временному запрещению служения и даже исключению за штат и лишению священнослужительского сана.

Возникновение основной массы документов второй группы обусловлено наиболее типичными ситуациями в жизни прихода. К их числу относятся в первую очередь заполнение церковных вакансий, которое обусловило появление ставленнического делопроизводства (иногда его выделяют в особую группу документов⁸⁶). Ставленническое дело представляло собой комплекс разнородных документов и выдержек из них. Во-первых, оно содержит «выбор» от прихожан, остававшийся в течение всего XVIII в. неотъемлемой частью этой разновидности делопроизводства. В первые годы XIX в. этот документ исчезает. Во-вторых, выписки из метрических книг и отписки заказчиков о «бытии» ставленников на исповеди. В-третьих, в деле содержались отметки о результатах экзамена и (значительно реже) о способах восполнения пробелов в образовании. Эта часть ставленнического делопроизводства позволяет судить не только о способах подготовки священно- и церковнослужителей, но и, если анализировать всю совокупность источников, о значении образования по сравнению со всеми прочими факторами (отношениями с прихожанами, наличием у ставленника родственников в том приходе, куда ему предстояло отправиться на службу, обеспечением клириков). Следующая (четвертая) часть ставленнического делопроизводства является выпиской из указа о «произведении» на должность (или об отказе в «произведении»). Наиболее важным для исследователя элементом здесь является указание на причины отрицательного решения. Отказ мог быть вызван как недостаточностью подготовки ставленника, так и причинами, обескураживающими прихожан: нищенским обеспечением клириков, установленным в данном приходе. Пятая часть комплекса документов ставленнического делопроизводства – так называемые ставленнические грамоты – в делах встречается крайне редко. Их появление связано, как правило, с переходом духовного лица в следующий сан. Начиная с середины XIX в. в материалах ставленнического делопроизводства появляются «отпуски», разрешающие переход их светского в духовное сословие, а также материалы учета образовательного ценза (свидетельства об окончании семинарии).

Таким же сложным источником являются судебно-следственные дела, состав документов в которых незначительно менялся на протяжении всего изучаемого периода. В них содержатся выписки из протоколов заседаний,

⁸⁶ Зольникова Н.Д. Словные проблемы во взаимоотношениях церкви и государства в Сибири (XVIII в.). Новосибирск, 1981. С. 5.

указов светских и церковных органов власти, а также данные анкетного характера: выдержки из материалов церковного учета населения и ревизских сказок. Отдельный вид источника в следственном деле — делопроизводство судебно-следственного процесса: доношения, протоколы допросов, «экстракты» из дел и пр. Судебно-следственные дела дают представление о характере конфликтов, в которые вовлекалось духовенство, как внутрисословных, так и с прихожанами. Эти источники позволяют выявить наиболее типичные случаи, приводившие к спорам между пастырями и паствой. Особую ценность здесь представляют дела, раскрывающие подробности приходской жизни: об ограблении церквей, о «перемене» священно- и церковнослужителей, о вымогательствах при исполнении «мирских треб». Они позволяют выяснить некоторые существенные аспекты распоряжения церковным имуществом (например, место нахождения ключей от церкви), дают сведения о том, насколько часто экономические соображения, т.е. непомерные запросы священно- и церковнослужителей, удерживали крестьян от исполнения церковных таинств.

Третья группа источников включает регистрационно-учетные и статистические документы. Особое значение здесь имеют ведомости о состоянии церковных приходов, впервые созданные в начале XIX в. и с некоторыми изменениями существовавшие вплоть до начала XX столетия. Их авторами являются благочинные — священники, возглавляющие благочиние, т.е. церковный округ, включавший от 10 до 30 приходов или монастырей. Составленные ими отчеты (или ведомости) содержат краткую, но очень важную для целей данного исследования информацию о трех аспектах приходской жизни. Во-первых, сведения о приходской церкви: оценка «благоплепия», критерии которой, впрочем, неизвестны, что сильно снижает ценность данных. Здесь же содержались сведения о том, из какого металла (олова или серебра) изготовлены находящиеся в церкви сосуды, и реже — общие суждения о состоянии церковного здания (как правило, в тех случаях, когда оно было ветхим). Во-вторых, ведомость включает сведения о приходском духовенстве: имена, возраст, место рождения, время поступления на службу, основные вехи биографии каждого церковника, а также данные о наличии вакантных мест в каждом из приходов. Существенную часть ведомости занимают данные непосредственно о самом приходе. Указывалось количество душ и дворов, руги и земли, предназначенных духовенству, и сведения об исполнении обещаний (на самом ли деле выдается руга и отведена земля, или крестьяне «озорничеством» не делают того или другого). Исключительную ценность представляют данные о максимальных расстояниях между церковью и приходскими дворами. Кроме ведомостей, благочинные еже-

годно составляли отчеты, основанные на личном изучении состояния дел в приходах. В них содержались сведения о поведении духовенства и прихожан, состоянии церковного имущества и документации, недостатках приходской жизни и развитии образования. Данные, присылаемые благочинными, служили основой для ежегодных отчетов епископа Синоду, который в свою очередь на основании епархиальных отчетов готовил ежегодный отчет императору.

Ведомости о состоянии церковных приходов и отчеты благочинных являются наиболее информативными источниками. На основе содержащихся в них данных подготовлены ценные исследования по церковной статистике⁸⁷. Гораздо меньший круг сведений содержится в делопроизводстве, возникновение которого связано с «разборами» духовенства. Документы, созданные в ходе этих правительственных мероприятий, позволяют проследить процесс заполнения церковных вакансий. Данные «разборов» удачно дополняются информацией, содержащейся в ведомостях, ежегодно присылаемых из Олонецкой духовной консистории в Синод. Сами ведомости не сохранились, но сведения из них (в краткой форме) приведены в указе Синода⁸⁸. Словно в дополнение к этим источникам в конце XVIII в. составлены ведомости о вакантных местах⁸⁹, используя которые можно проследить завершающий этап ликвидации многочисленных церковных вакансий, обнаруженных в ходе «разбора» приходского духовенства. В дальнейшем, в конце XIX—начале XX в., объявления о церковных вакансиях публиковались в «Епархиальных ведомостях»⁹⁰.

Важную часть церковной статистики составляют исповедные ведомости, сохранившиеся в неизменном виде на протяжении XVIII—начала XX в. Этот источник имеет существенное значение для демографических исследований. Анализ исповедных ведомостей, проведенный Б.Н. Мироновым, показал, что они «дают в руки исследователей достаточно надежные данные о численности, социальной и отчасти профессиональной структуре сельского и городского населения»⁹¹. Для данного исследования исповедные ведомости имеют иное значение. Во-первых, они позволяют выявить

⁸⁷ Преображенский И. Отечественная церковь по статистическим данным с 1840—41 по 1890—91 гг. СПб., 1897.

⁸⁸ РГИА, ф. 796, оп. 62, д. 15, л. 1—5 (Указ Синода).

⁸⁹ ГААО, ф. 1367, оп. 2, д. 844, л. 12—18, об. (Ведомость о «праздных» церквях).

⁹⁰ См., например: Свободные места // ОЕВ. 1914. № 4. С. 76.

⁹¹ Миронов Б.Н. Исповедные ведомости — источник о численности и социальной структуре православного населения России XVIII—первой половины XIX в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1989. Т. 20. С. 117.

размеры приходов. Во-вторых, в исповедных ведомостях содержатся исключительно ценные данные о «записных раскольниках», т.е. той части населения, которая даже в годы гонений осмеливалась открыто заявить о своих убеждениях. В последнее время стали появляться исследования, содержащие ценные наблюдения, связанные с духовной составляющей исповеди, организацией и осуществлением исповедного контроля на Европейском Севере России⁹². В определенной мере они опираются на данные исповедного учета.

Четвертую группу источников составляют документы приходского делопроизводства. Термин «крестьянское делопроизводство», используемый А.В. Камкиным⁹³ в данном случае неприменим. Большинство документов в данном случае составлялось при активном участии представителей разных сословий: крестьян, посадских, церковников, купцов и пр. Самым распространенным источником в этой группе являются «выборы» — элементы текущей делопроизводственной практики, имевшие «в значительной мере характер двустороннего обязательственного акта, договора между двумя контрагентами: земским миром и избранным им лицом»⁹⁴. Наибольшее сходство с «выбором» на мирские должности сохраняло «верующее письмо», в котором оформлялись полномочия приходского поверенного. «Верующие письма» имели трехчленную структуру: начальный протокол, основную часть и конечный протокол. Начальный протокол обязательно включал следующие компоненты: интитуляцию, т.е. список выборщиков, ограничивающийся, как правило, волостным и (или) церковным старостой и указанием о том, что в избрании участвовали и прочие «приходские люди». Следующий компонент — «формула действия» («отпущен от нас»). «Формула доверия» в «верующих письмах» присутствует, но не на традиционном для мирских документов месте (в начале документа), а в его основной части. Содержание «формулы доверия», как правило, следующее: «во всем верим и что учинит, спорить и прекословить не будем». Далее следует имя посылщика. Завершает протокол нотификационный компонент, содержащий лишь указание о характере поручения («для подачи проше-

⁹² Алексеева Н.В. Церковная исповедь и попытка установления государственного контроля за ее практикой в XVIII в. // Мировоззрение и культура севернорусского населения. М., 2006. С. 167–175.

⁹³ Камкин А.В. Традиционные крестьянские сообщества Европейского Севера России, с. 16.

⁹⁴ Богословский М.М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. М., 1909. Т. 2. С. 18.

ниев»), но не указывающий срок службы⁹⁵. Средняя часть «верующего письма» состоит из санкции и диспозиции. Диспозитивный компонент включал краткое изложение дел, переговоры о которых обязывался вести приходской поверенный. В следующем компоненте (санкции) содержался запрет нарушать требования, изложенные в диспозиции. Присутствовала лишь краткая формулировка: «кроме, однако ж, посторонних дел». Завершается «верующее письмо» конечным протоколом, в котором указывались выходные данные документа. Далее следовали субскрипции – «рукоприкладства» участников составления «письма». Подписывали «письмо», как и все прочие приходские документы, грамотные жители прихода (иногда священно- и церковнослужители), которые действовали «по прошению» остальных прихожан.

Сходными с «верующими письмами» документами оформлялось избрание священно- и церковнослужителей, сохранявшееся в XVIII в. Соответствующий документ назывался «выбор». Отличие его от «верующего письма» заключалось, во-первых, в «формуле доверия». Как правило, она более подробна, хотя и включает только сугубо светские, далекие от церковной проблематики характеристики (например, «понеже человек он добрый»). Нотификационный компонент также присутствовал в сокращенном варианте: указывалась лишь должность в составе клира, на которую был избран предлагаемый крестьянами для рукоположения кандидат на должность в составе клира. Во-вторых, следующая часть формуляра, характерная для «выборов» на мирские должности, отсутствует в «выборах» на должности церковные. Вместо санкции и диспозиции в «выборе» появляется обязательство прихожан, связанное с обеспечением церковника-избранника. В некоторых случаях оно довольно расплывчато, а в других, наоборот, весьма подробно. Заканчивается формуляр «выбора» конечным протоколом, который ничем не отличается от соответствующей части «верующего письма».

Большой спецификой обладает прошение о строительстве церквей. Только начало формуляра совпадает с указанным выше: в начальном протоколе имелись интитуляция и «формула действия». Конечный протокол совпадает с приведенными выше полностью. Но самая крупная часть (мотивировочная) присутствует только в этой разновидности приходских документов. Мотивы строительства церквей,

⁹⁵ Пулькин М.В. Приходское делопроизводство XVIII в. как исторический источник (по материалам Олонецкой епархии) // Источниковедение: поиски и находки. Воронеж, 2000. С. 131.

если бы они излагались подробно, могли стать ценнейшим источником. Но все изученные прошения содержат лишь стандартные указания на дальность расстояний, разделяющих церковь и приходские селения (в тех случаях, когда речь шла о пристройке алтаря к часовне), либо просто — о необходимости построить церковь взамен сгоревшей. Как правило, к прошению прилагалось «письменное всех приходских людей обязательство», в котором говорилось о намерении крестьян «оную церковь строить и, что ныне надлежит, каких церковных надобностей, исполнять безо всяких отмен». Начиная с 1770-х гг. «обязательство» сливается с прошением, составляя единый документ, и помещается сразу после мотивировочной части.

Приходское делопроизводство включало еще один существенный компонент: приходо-расходные книги, «рописи», а также описи «разных вещей», находящихся в церквях. Эти источники представляют интерес по трем причинам. Во-первых, они позволяют исследовать проблемы формирования церковного имущества. Они содержат данные о случаях, в связи с которыми имущество церкви пополнялось подарками или деньгами. Составители описей указывали словесную принадлежность дарителей, а также размеры сумм, которые поступили в церковную казну⁹⁶. Во-вторых, эти источники позволяют изучить проблему распоряжения имуществом церкви: расходование денег из казны храма, случаи переплавки медной утвари на колокола по решению прихожан и пр. В-третьих, эти документы содержат информацию о периодичности переизбрания церковных старост и степени их подотчетности в разные периоды приходской истории епархиальному начальству, клиру и мирянам.

Следующая группа источников — старообрядческие сочинения, связанные с деятельностью Выговской пустыни, являвшейся крупнейшим центром «древлего благочестия» на Европейском Севере России. В их число входят уставные документы (постановления «соборов») и полемические произведения. Они содержат ценные сведения об отношении старообрядцев к церковным таинствам покаяния и брака, а также о взаимоотношениях между церковниками и внеконфессиональной частью приходской общины: «потаенными» старообрядцами. Специфическая особенность данной группы источников состоит главным образом в том, что все эти документы создавались не

⁹⁶ См. об этом подробнее: *Пулькин М.В.* Имущество сельских приходских церквей Олонецкой епархии в XVIII в.: источники формирования и способы распоряжения // Церковная археология: Мат-лы Всероссийской науч. конф. СПб.; Псков, 1995. С. 34—36.

для отчета перед начальством, а для самих старообрядцев, которых трудно ввести в заблуждение: они сами были хорошо знакомы с ситуацией и не могли поддаться на заведомо ложные аргументы. Старообрядческие сочинения легко сопоставляются со следственными делами и доношениями священников. Забегая вперед, замечу, что такое сопоставление лишний раз подтверждает достоверность сведений, содержащихся в старообрядческих произведениях.

Отдельную – *шестую* – группу документов составляют карты и планы генерального межевания, а также делопроизводство, связанное с этим правительственным мероприятием. Для данного исследования они имеют двойственное значение. Во-первых, позволяют проследить порядок наделения священно- и церковнослужителей земельными участками. При этом сохранившиеся документы свидетельствуют о многочисленных нарушениях: наделении землей тех церковников, которые «ругой удовольствованы» и отказе в предоставлении надела тем, кто ничего не получил от прихожан. Во-вторых, карты и планы генерального межевания служат незаменимым источником для изучения внебогослужебных взаимоотношений между клиром и прихожанами: нередко священно- и церковнослужители подписывали документы вместо своих неграмотных прихожан⁹⁷.

Таким образом, имеющиеся источники позволяют проследить тенденции решения основных проблем приходской жизни в разные периоды истории конфессиональных общин. Приступим к исследованию.

⁹⁷ Пулькин М.В., Захарова О.А., Жуков А.Ю. Православие в Карелии (XV – первая треть XX в.). М., 1999. С. 19.